

Традиционная лингвистика понимала процесс образования фразеологизмов как диахронический и длительный. Однако в последние годы взгляд на соотношение синхронии и диахронии в образовании фразем изменился. Как отмечает В. М. Мокиенко, фразеологизм, с одной стороны, – единица ретроспективная, кумулятивная, поглотившая культурологическую и языковую информацию прошлого, поэтому многие поиски его когнитивного ядра диахроничны. «С другой же стороны, фразеологизм – единица синхронная, обладающая компликативной семантикой, относительно независимой и от значения ее компонентов, и от понятий того прошлого, которые ее породили» (Мокиенко, 2006: 18). Фразеологизация свободных словосочетаний сейчас происходит довольно быстро, во всяком случае без многовековой эволюции, поскольку современный русский язык «мобилизовал» свои ресурсы для оперативного решения возникших проблем особой номинации и предикации, щадящей воспитанную десятилетиями советскую ментальность так называемого простого человека. По мнению Н. Ф. Алефиренко, неологизация фразеологического корпуса языка – это результат лингвокреативной деятельности синергетически перестраивающегося языкового сознания, «его лингвопрагматическая адаптация к новым ценностно-смысловым приоритетам, своеобразная ономаσιологическая реакция языка на стремительные изменения социокультурного пространства (Алефиренко, 2008: 208).

В процессе фразеологизации свободных словосочетаний проявляется относительная взаимосвязь их формально-языковых свойств с этнокультурными особенностями носителей языка.

Покажем этот процесс на примере актуализировавшегося на рубеже XX–XXI веков устойчивого сочетания *отмывание грязных денег*, образовавшегося в свою очередь от устойчивого сочетания *грязные деньги* в значении «полученные незаконным путем, связанные с криминалом, преступлением» (ТСРЯ XX в.). В мотивирующем фразеологизме негативная оценка денег манифестирована словом *грязные*, употребленном в переносном значении «вызывающий моральное отвращение, гнусный» (по МАС-2) или «нечестный, незаконный, мошеннический» (по ТСРЯ к. XX в.), которое и выражает прагматику осуждения, общественного неприятия способов получения таких денег, продекларированную в толковых словарях в качестве официально правильной точки зрения. Негативные прагматические смыслы двухкомпонентного фразеологизма стимулировали появление трехкомпонентного сочетания *отмывание грязных денег*, который средствами денотативного уровня поверхностной части своей смысловой структуры вроде бы устраняет негативные оценки в прагматике фраземы *грязные деньги*, поскольку прямыми лексическими значениями компонентов своего состава передает семантику очищения денег, тем самым словно бы изменяет оценочный ореол этой сущности с негативного на позитивный.

Удлинение структуры фраземы явилось следствием «реагирования» языка на жесткую прагматику двучленной фраземы. Картинно-образная внутренняя форма фразеологизма *грязные деньги* представляет номинируемое явление в виде всем понятного, бытового образа испачканных грязью денежных купюр, тем самым позволяет «предложить» и выход по спасению испачканных денег – отмыть, очищая их от грязи. Образ, лежащий в основе этой метафоры, ориентирован на массовое сознание, на людей, не имеющих экономического образования, далеких от проблем отмывания грязных денег. Это во многом объясняет, почему столь важные в социально-культурном и коммуникативном планах концепты в современном литературном языке выражаются не прямо лексическим способом (например, не *отмывание*, а *легализация денег*, не *грязных*, а *преступных*), а с помощью образных метафорических фразеологизмов в расчете на то, что нужные люди декодируют нужный им смысл.

При создании трехкомпонентного фразеологического сочетания *отмывание грязных денег* проявился и момент языковой игры, поскольку в нем отразилось несоответствие оценочных пресуппозиций позитивного плана итоговой коннотации всего трехком-

понентного фразеологизма: в слове *отмывание*. Его основное лексическое значение мотивировано глаголом *отмывать / отмыть* («мытьем очищать от грязи, делать чистым» (МАС-2), оно нацелено на исправление возникшей ситуации – очищение денег от грязи. В сочетании же с фразеологизмом *грязные деньги* не только не реанимируется основное значение у слова *грязные* («покрытые грязью»), но и само стержневое слово трехкомпонентного сочетания *отмывание*, утрачивая свое основное лексическое значение, приобретает совершенно новый смысл – «легализация (незаконно полученных финансовых средств)». Новое лексическое значение у слова *отмывание* («легализация денег») появилось нестандартным путем. Оно возникло не столько на базе внутренней формы в процессе внутрисловной деривации, сколько под влиянием мощных прагматических сем слова *грязные* из фраземы *грязные деньги* по принципу синтагматического согласования и взаимовлияния смыслов соседствующих в синтагме слов (при этом свою роль сыграла и закрытость, цельность этой синтагмы, реализующей совместный смысл). Внутрисловная деривация для слова *отмывание* обеспечила ему звуковую оболочку, тем самым сохранила формальную связь с семемой прототипом – основным значением слова, но не более того. Семантика денотативных сем (образ мытья для очистки от грязи) ослабла, ушла в тень, ее заслонили собой яркие и сильные семы центральной зоны (сигнификативной и денотативной части) смысловой структуры новой семемы, идущие от компонентов *грязные деньги* (особенность «грязи» требует и особенностей отмывания ее). Семы периферийной зоны и интерпретационный ореол фраземы *грязные деньги* окончательно отрывают новую семему *отмывание* от ее мотивирующей семемы – основного значения слова и закрепляют в ней такую же негативную оценочность. Это вполне соответствует основной тенденции семантического развития языковых единиц: оно начинается с движения именно в периферийной зоне смысловой структуры этой единицы (и в слове, и во фразеологизме). Именно таким образом трехкомпонентная фразема *отмывание грязных денег* в итоге приобрела функцию номинации двойного преступления и передачи удвоенной негативной оценки этих преступлений.

Данный пример показывает, что оценочные коннотации при воспроизводстве неофраземы утрачивают свою зависимость от внутренней формы ядерного центра в структуре неофраземы – глагола. Она выполнила свою важнейшую миссию на этапе создания языковой единицы, однако при функционировании нового оборота в живой речи свою лидирующую роль внутренняя форма утратила, поскольку оказалась неспособной повлиять на дальнейшее наполнение неофраземного семантического и прагматического объема. Приобретение метафорического значения (по сути дела – оценочного оппозиита по отношению к основной семеме слова *отмывание*) связан с переключением положительной оценочной ориентации интерпретационного ореола семантики слова на отрицательную. Это вполне соответствует тенденции завуалированного обозначения негативных явлений современной России с помощью эвфемических словосочетаний, уменьшающих иллюкативную силу сообщений (*либерализация цен, свободный рынок, нейтрализовать охрану, страховой случай*).

В коммуникативной практике между отправителями и получателями подобных выражений единообразное понимание их смысла достигается за счет общности культурного и речевого опыта носителей языка, у них есть общие представления о том, что бывает и чего не может быть. Неявная когниция, отраженная в семантике оборота, расшифровывается уже на интуитивном уровне, поскольку очевидная невозможность сообщенной информации в ее прямом, буквальном смысле заставляет получателей сообщения искать в ней другие, скрытые смыслы под успокаивающими сознание словами. Контекст обычно раскрывает денотативную ситуацию, подсказывая получателю сообщения в местах эвфемизации, что в них закодирован скрытый смысл, то есть то, что хотел сообщить отправитель информации. Например, прочтя фразу *Одной из задач Комитета по финансовому мониторингу является отслеживание тех, кто занимается отмыванием грязных денег*, читатель хорошо понимает, что для отслеживания лиц, отмывающих водой испачканные денежные купюры, государство не будет создавать специальный комитет. Следовательно, отмывание грязных денег – это нечто совсем иное, это – очень серьезное экономическое зло для страны и но стало довольно распространенным, поскольку понадобилось создание специального комитета для борьбы с ним.

Отдаленность создателей фразеологизирующихся высказываний от массового носителя языка всегда относительна. Условием реализации закадрового смысла у фразеоло-

гизировавшегося выражения как раз и является общность основной суммы фоновых знаний у создателя фразы и тиражирующих ее лиц.

Итак, мы объясняем фразеологизацию анализируемого словосочетания *отмывание грязных денег* тем, что его семантика, структура, лингвокультурный и прагматический потенциал оказались удобными для репрезентации ценностных доминант культуры и выражения актуальных смыслов эпохи с учетом особенностей языкового сознания современных россиян. Закрепление высказыванием метафорического значения достигается многократным повторением его нового смысла в различных дискурсах современной коммуникации. Развитие подобных процессов при фразеомообразовании представляет собой типичный когнитивный процесс.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: «Элпис», 2008. – 271 с.

Мокиенко, В. М. Когнитивное и адогнитивное во фразеологии / В. М. Мокиенко // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф. Т.1. – Белгород: изд-во БелГУ, 2008. – С. 13–26.

Словари:

(МАС-2) – Словарь русского языка: в 4-х томах / АН СССР. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1981/ – 1984;

(ТСРЯ к. XX в.) – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. / Под ред Г. Н. Складервской. РАН, Инст. лингв. исслед. – СПб.: изд-во «Фолио-Пресс». 1998;

(ТСРЯ XXI в.) – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складервской. – М.: Эксмо, 2000.

Summary. The paper deals with phraseology mechanisms underlying the collocation *Отмывание грязных денег* (*dirty money laundering*). The lingual process is conditioned by the fact that linguistic, cultural, and pragmatic potentials of the collocation are convenient for implicit expression of actual sense patterns considering modern Russian lingual mentality.